

ВОЙНА И МИР

“ТОЛЬКО
С РУССКИМИ!”

Саад эль-Шазли
«Только с русскими!»
Воспоминания начальника
Генштаба Египта о
войне Судного дня
Серия «Война и мир (Алгоритм)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70388080
«Только с русскими!» Воспоминания начальника Генштаба Египта о
войне Судного дня: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00222-132-5*

Аннотация

У генерала Саада эль-Шазли безупречный послужной список. Он считается «арабским Маргеловым» – создателем воздушно-десантных войск Египта. Он был командующим Объединенных арабских сил в Конго (1960—1961 г.), военным атташе Египта в Лондоне (1961—1963 г.), командующим войсками специального назначения (1967—1969 г.), командующим округом Красного моря (1970—1971 г.). Венцом его военной карьеры стал пост начальника Генерального штаба вооруженных сил Египта и форсирование Суэцкого канала с последующим захватом некогда

неприступной линии Бар-Лева в арабо-израильской войне 1973 года.

Этот блестящий результат пошел прахом из-за решения египетского лидера Анвара Садата избавиться от советской военной помощи и воевать самостоятельно. Козлом отпущения был назначен строптивый начальник Генштаба.

Книга генерала эль-Шазли раскрывает малоизвестные у нас страницы ближневосточных конфликтов. В ней говорится о роли СССР в строительстве вооруженных сил Египта после «Шестидневной войны» 1967 года, подробно описывается ход так удачно начавшейся новой войны и ее трагическое для Египта завершение.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Пролог. Полоса заграждений	18
Глава 1. Выжить	25
Глава 2. Планирование	31
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Саад эль-Шазли

«Только с русскими!»

Воспоминания начальника

**Генштаба Египта о
войне Судного дня**

*** * ***

© Саад эль-Шазли, 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Введение

Это военные мемуары: мои воспоминания о работе начальником Генерального штаба египетских Вооруженных сил во время арабо-израильской войны в октябре 1973 года. Насколько мне известно, эти мемуары уникальны тем, что написаны офицером арабских вооруженных сил – современником событий. Я писал эту книгу с неохотой, грустью и гневом. Когда я говорю, что мой гнев непосредственно обращен на того человека, который является президентом Египта, становится понятно, почему я, солдат, всю жизнь служивший своей стране и своему народу, неохотно взялся за перо и с грустью осознал, что это мой неотвратимый долг.

О конфликте 1973 года написано много книг. Почему же до сих пор скрываются столь многие факты? Почему многое из того, что написано, искажает сами факты или их толкование? Одна из причин, конечно, это невежество авторов. Но есть и более глубокая причина. Как я покажу, ведется целенаправленная кампания по сокрытию того, что в действительности случилось во время этой войны. Почему, например, до сих пор нет ответа на следующие вопросы?

Вопрос первый. Почему после успешной переправы через Суэцкий канал египетские вооруженные силы не развили наступление в восточном направлении и сразу же не захватили Синайские перевалы?

Вопрос второй. Соответствуют ли действительности упорные слухи о том, что высшее командование Египта ожидало прорыва противника в западном направлении через канал в районе Деверсуара – то есть именно там, где противник и совершил прорыв – и готовило план его уничтожения? Я подтверждаю, что это действительно так. Почему же тогда египтяне не провели заранее спланированную контратаку?

Вопрос третий. Почему вместо этого египетские вооруженные силы позволили противнику день ото дня развивать наступление в западном направлении? Ответ, как я покажу, таков, что политики, особенно президент Анвар Садат и его министр обороны генерал Ахмед Исмаил Али, все время налагали запреты на наши планы.

Вопрос четвертый. Кто несет ответственность за окружение египетской Третьей армии? Опять же, политики или военные?

Вопрос пятый. В какой степени это окружение повлияло на исход войны, не только в военном, но и политическом отношении, и не только для Египта, но и всего арабского мира в целом?

* * *

Я был начальником Генерального штаба Вооруженных сил Египта более двух лет, до начала войны, во время ее и до 12 декабря 1973 года. Другими словами, я знал ответы, хо-

тя никогда не собирался их обнародовать. Но в 1974 и 1975 году, когда я работал послом сначала в Лондоне, а потом в Лиссабоне, меня все больше огорчало то, что я читал об этой войне. Я ожидал лжи со стороны наших врагов, но не нашего руководства.

Конечно, существовал еще и личный фактор. Основной задачей тех в Каире, кто и сейчас претендует на то, чтобы сообщать информацию о войне из первых рук, похоже состоит в том, чтобы всячески принизить мою роль как начальника Генерального штаба армии Египта. В отношении себя, меня это не волнует; я вполне доволен мнением моих соратников. Меня огорчало и сердило то, что такая кампания против меня неизбежно вела к полномасштабному искажению всего, что было достигнуто армией в целом. Они не упоминали о длительной и тщательной разработке нашего плана наступления. Лишь походя упоминали о труднейшей подготовке к форсированию канала и обучении солдат. Героические подробности самой переправы потонули в хоре льстивых голосов, приписывающих все успехи руководству одного человека. И когда эти «информированные» рассказчики доходят до прорыва израильтян на египетскую сторону канала, они опускаются до неприкрытой лжи. Не упоминается моя стычка с президентом Садатом 16 октября по поводу того, как решать эту проблему. Не упоминается и то, как день за днем президент Садат и министр обороны налагали запреты на наши планы. Зато для объяснения причин этой катастро-

фы президент и его прислужники пытались взвалить всю вину на меня и тут же распространить ее на тех храбрых воинов, которыми я имел честь командовать.

Именно для того, чтобы восстановить их доброе имя, в октябре 1976 года, после трех лет публикаций, искажающих истину, я решил написать эти мемуары. В моей работе мне помогали официальные документы, которые остались в моем распоряжении. Годом позже, в октябре 1977, был готов первый черновой вариант книги.

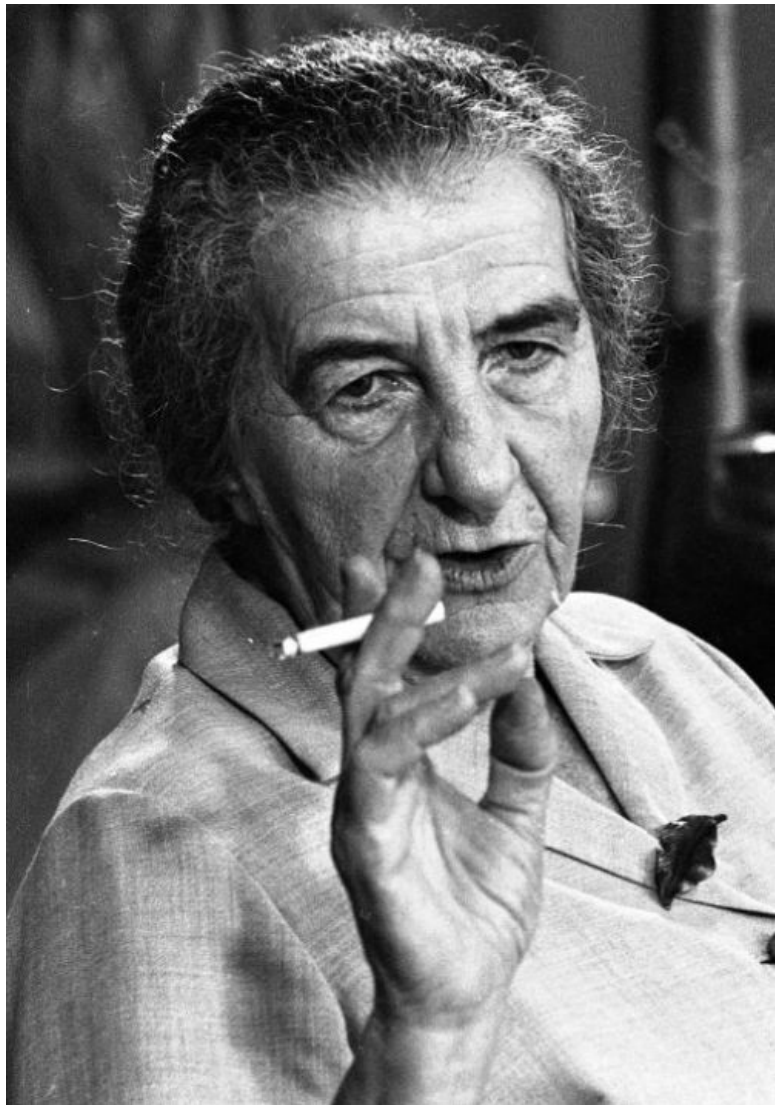
Я колебался. Я знал, что эта публикация приведет к конфронтации с президентом Садатом, к чему я не стремился. Я также не хотел делать ничего, что могло бы нанести вред процессу установления мира. Итак, я терпеливо и с грустью следил за ходом событий из Лиссабона, но теперь я уже был готов действовать. Последующие действия президента подтвердили мои опасения. В ноябре 1977 года президент нанес плохо подготовленный визит в Израиль, где многое отдал и ничего не получил взамен. В апреле 1978 года он добился сомнительной чести стать первым главой государства, выпустившим мемуары во время пребывания на посту; даже согласно самым снисходительным оценкам таких трудов, его книга явно служила самовосхвалению. Казалось, что все успехи Египта были его личными успехами, а во всех неудачах были виноваты другие. Наконец в мае 1978 года Египет увидел логическую кульминацию такой самовлюбленности, когда Садат начал применять репрессивные меры про-

тив своих политических противников в качестве единственного способа заглушить растущую критику его политики.

Я решил, что пришло время высказаться. 19 июня 1978 года я нанес второй внезапный удар... Я выступил против Садата, оставил свой пост и с тех пор не ступал на землю Египта.

Президент Египта Анвар Садат

Премьер-министр Израиля Голда Меир

* * *

Я посвящаю эти мемуары солдатам и офицерам Вооруженных сил Египта. Это рассказ о них; наконец сказана правда об их триумфе. Я горжусь каждым днем, проведенным на посту начальника Генерального штаба. Я горжусь тем, что во время моей работы было спланировано и проведено первое успешное наступление арабских сил против Израиля. Они являются свидетелями того, что я пишу правду. У меня есть документы, подтверждающие каждое слово. Но только египетский солдат знает всю правду – некоторые ее части известны тысячам, некоторые сотням, некоторые – лишь небольшой горстке людей. Отрицать эту правду будут те, кто продался, в некоторых случаях в буквальном смысле, президенту Садату, но они для меня ничего не значат.

Начальник Генштаба ВС Египта генерал Саад эль-Шазли, автор этой книги

Начальник Генштаба Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ)
генерал Давид Элазар

Помоги нам, Аллах, направь нас на верный путь и дай нам мужество сказать правду, каковы бы ни были последствия.

Генерал Саад эль-Шазли

начальник Генерального штаба

Египетской армии во время

арабо-израильской войны в октябре 1973 года

Пролог. Полоса заграждений

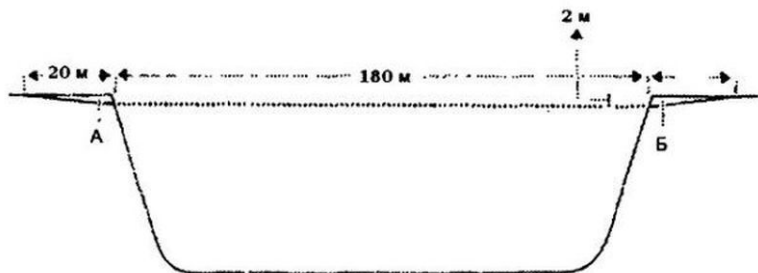
Что представляла собой полоса заграждений? Для современной армии реки и каналы не представляют больших трудностей. Десантные легкие танки и боевые машины пехоты (БМП) идут во главе десанта и создают плацдарм форсирования. В течение нескольких минут подвозятся, разгружаются, соединяются между собой и устанавливаются на место готовые секции мостов. К тому времени, когда подходят главные силы, переправа уже готова.

Но Суэцкий канал уникален. Его уникальная конструкция представляет огромную трудность для плавающих десантных средств атаки. Уникален масштаб оборонительных сооружений, воздвигнутых противником в дополнение к естественным препятствиям. Ширина канала составляет всего от 137 до 200 метров. Но все, кто видел Суэцкий канал, считают его непреодолимым.

Первое препятствие на пути форсирования состоит в том, что канал является искусственным водным путем, проложенным в песке, а песок осыпается. Чтобы помешать этому, берега канала укреплены бетонными стенами, поднимающимися над линией воды и круто уходящими под воду до дна канала.

В канале бывают приливы и отливы. Во время прилива вода поднимается до уровня одного метра ниже верхнего края

бетонной стены, а при отливе опускается на два метра, а в южной части канала на три. Плавающие машины не могут, как собаки, прыгать в воду с берега метровой высоты, во всяком случае, не подвергаясь значительному риску. Даже если это им удастся, то как выбраться на берег на другой стороне?

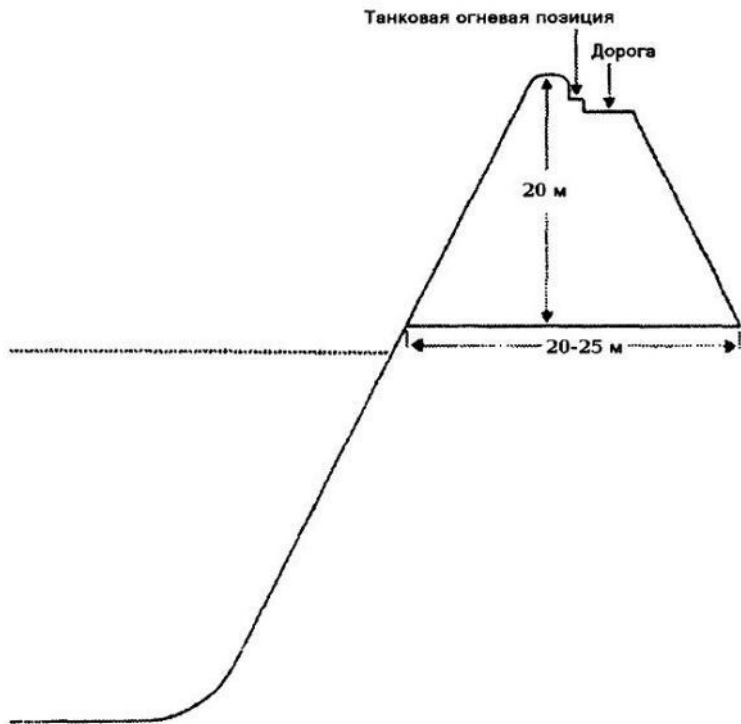

Поперечное сечение Суэцкого канала. Плечи откосов канала (А и Б) построены из камней и цемента. Эти плечи необходимо было разрушить перед тем, как канал мог форсировать легкий плавающий танк или иное транспортное средство или до введения в строй какого-либо плавающего моста

Вторым препятствием является гигантская песчаная насыпь, сооруженная противником вдоль всего восточного берега канала. Шесть лет израильские бульдозеры упорно нагребали песок все выше и выше, причем, естественно, их усилия были в основном сосредоточены в местах наиболее

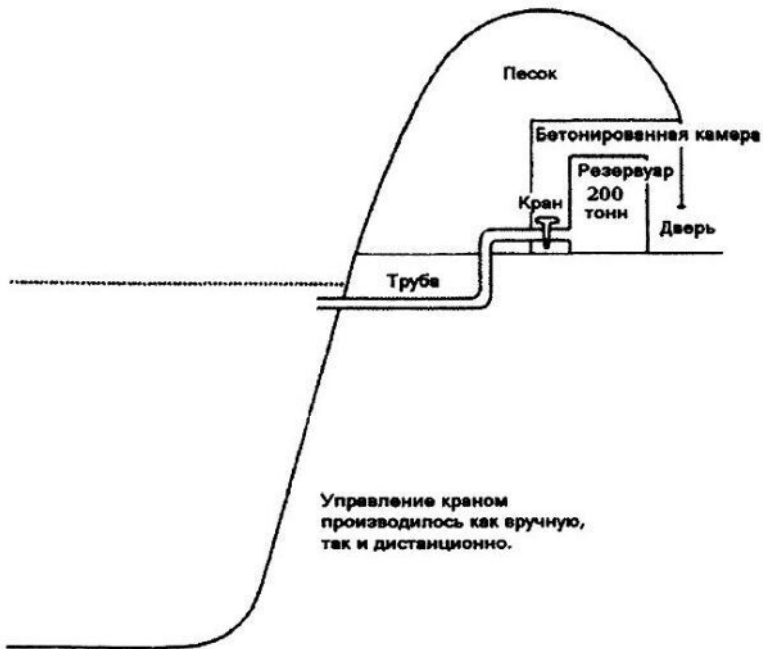
вероятного форсирования. Там насыпь возвышалась на 20 метров и имела в основании столько же метров в толщину. (Склоны насыпи поднимались под углом 45–65 градусов в зависимости от прочности песчаной насыпи). Насыпь проходила так близко к каналу, что ее западный склон, обращенный в сторону нашего наступления, соединялся с крутым профилем бетонной облицовки.

Над этой внушительной насыпью возвышается третье препятствие: 35 укреплений линии Бар-Лева. Глубоко вкопанные в землю опорные пункты могут быть поражены только 500-килограммовыми бомбами, а огневые позиции вокруг обеспечивают их полное прикрытие. Каждый опорный пункт полностью автономен и снабжен всем необходимым, чтобы выдержать осаду в течение недели. Каждый окружен минными полями и заграждениями из колючей проволоки. В среднем укрепления расположены на расстоянии около 5 км друг от друга, но в местах наиболее вероятного форсирования канала они находятся в 1,6 км друг от друга.

Израильский песчаный вал на восточном берегу канала, состояние на 6 октября 1973 года. Песчаный вал шириной 20–25 м. у основания и около 20 м. высотой Дорога на вершине вала, которая позволяет танкам передвигаться и маневрировать, оставаясь незамеченными с нашей стороны. Вдоль этой дороги оборудованы огневые позиции для танков, по 10 на одном километре

Все 35 опорных пунктов укомплектованы личным составом пехотной бригады. Для усиления Израиль выделил три бронетанковые бригады – 360 танков. Танки занимают огневые позиции на расстоянии 900 метров друг от друга между укреплениями. Вдоль насыпи идут две дороги: одна по гребню вала, другая позади его. Скрытно от наших глаз противник может перебрасывать бронетехнику для усиления любого слабого места.

Воспламеняющаяся жидкость. Поперечное сечение Суэцкого канала

Если противник получает сведения о готовящемся наступлении за достаточное время, чтобы танки могли подойти к насыпи, по всему фронту будет вестись пулеметный и противотанковый огонь. Если наши солдаты все-таки форсируют канал и высадятся на Синае, контратаки противника можно будет ожидать в зависимости от того, когда он узнает

об этом. Мы посчитали, что в зависимости от того, где располагается бронетехника противника на другом берегу канала, противник сможет провести контратаку силами танковой роты и танкового батальона в течение 15–30 минут, а в худшем случае силами танковой бригады в течение двух часов после высадки нашего десанта.

Но как мы сможем переправиться через канал? Существовало и четвертое тайное препятствие. В глубине песчаного вала противник зарыл резервуары с воспламеняющейся жидкостью, выпускные трубопроводы которых управлялись из ближайших опорных пунктов. За несколько минут жидкость могла низвергнуться в канал, превращая его поверхность в адское пекло.

Таковы были препятствия: сам канал и оборонительные сооружения противника. Противник демонстрировал их каждому приезжему военному эксперту. Все они объявили их неприступными. Наша задача состояла в том, чтобы преодолеть их.

Глава 1. Выжить

У нас всегда была воля к борьбе. Даже в тяжелое время после поражения 1967 года мы сохраняли моральный дух и занимались ускоренным восстановлением в ожидании того дня, когда мы перейдем в наступление – либо чтобы уничтожить противника, оккупировавшего нашу территорию, либо чтобы заставить его уйти. Мы не предполагали, что ждать придется больше долгих шести лет.

Одной из причин, почему мы ждали так долго, было то, что в течение двух из этих шести лет мы уже вели войну с Израилем, так называемую «войну на истощение». Она редко упоминалась в заголовках международной прессы. Но она стоила нам тысяч жизней и десятки миллионов фунтов стерлингов. Я не собираюсь пересказывать историю этой войны; когда я был назначен начальником Генерального штаба, перемирие действовало уже более года. Но ее печальные уроки, наряду с уроками 1967 года, оказали такое влияние на наши планы октябрьской высадки, что я считаю необходимым обрисовать хотя бы важнейшие ее события.

Воссоздание наших вооруженных сил началось с помощью Советского Союза в течение нескольких недель после поражения в июне 1967 года. К сентябрю 1968 года, по крайней мере, наши сухопутные войска достаточно оправились, чтобы бросать вызов силам противника, расположившим-

ся лагерем вдоль восточного берега канала. Так началась «война на истощение». В военном плане наша задача была в том, чтобы поднять моральный дух армии, потерпевшей сокрушительное поражение, и наносить урон противнику, очень чувствительному к людским потерям. Наш план состоял в том, чтобы обстреливать передовые позиции противника вдоль восточного берега и отправлять группы коммандос вглубь оккупированного Синайского полуострова, чтобы ночью устраивать засады против танков и грузовиков противника.

Сначала наши обстрелы и рейды приносили хорошие результаты. Но противник нанес ответные удары, высадив с вертолетов десантные группы в глубине Египта для подрыва жизненно важных объектов. Одним из них была электростанция в Наг Хаммади в Верхнем Египте, другим – каналы нашей системы орошения. Мы были вынуждены прекратить наши атаки. Однако через пять месяцев потребность что-то предпринять – наша потребность, порожденная отказом признать поражение – заставила нас поздней весной 1969 года возобновить наши усилия. Ответные действия противника были еще более яростными. В июле 1969 года в войну вступили ВВС Израиля.

Израиль быстро вывел из строя нашу систему противовоздушной обороны в северном секторе, создав, таким образом, коридор между Исмаилией и Порт Саидом для пролета его боевых самолетов вглубь дельты Нила. Нам не при-

шло долго ждать, чтобы понять, что значит превосходство в воздухе.

9 сентября 1969 года десант из десяти танков и нескольких гусеничных машин пересек на морских судах Суэцкий залив и высадился недалеко от порта Зафарана. Во время одностороннего рейда они уничтожили оборонительные сооружения, пункты воздушного наблюдения и все встреченные ими на прибрежной дороге транспортные средства. Вряд ли Зафарана была их стратегической целью. Наши части были рассредоточены, в их задачу входило скорее наблюдение, а не противодействие танкам противника, так как они были вооружены стрелковым оружием и противотанковыми ружьями с дальностью стрельбы до 450 метров. Танки противника расстреляли их с расстояния почти 2 км. Президент Насер тотчас сместил с должности начальника Генерального штаба. Но этим поражение не ограничилось. Значение этого рейда, помимо пропагандистской ценности для противника, состояло в том, что круговой рейд с побережья и обратно занял 12 часов, во время которых превосходство противника в воздухе было таково, что ни один египетский самолет или корабль не смогли противостоять ему.

По мере того, как противник наращивал авиаудары в глубине страны, масштаб бедствия возрастал. Наша противовоздушная оборона перестала существовать, и противник начал безнаказанно наносить удары даже по гражданским целям – по промышленным центрам, заводам, даже по шко-

ле. У наших сухопутных войск не осталось другого оружия, кроме противотанковых ружей времен второй мировой войны. В декабре 1969 года, очевидно для того, чтобы продемонстрировать свое полное превосходство, противник высадился на побережье Красного моря на нашей территории, совершил рейд на отдельно стоящую радиолокационную станцию (РЛС), демонтировал оборудование, погрузил его в вертолет, присланный для этой цели, и увез свою добычу в Израиль.

В январе 1970 года президент Насер нанес тайный визит в Москву и обратился с просьбой к СССР оказать прямую помощь нашей противовоздушной обороне. Советы согласились. В феврале и марте в обстановке полной секретности в Египет начали прибывать советские военные и техника: 80 самолетов-перехватчиков МиГ-21; 27 дивизионов ракет земля-воздух (ЗРК); средства радиоэлектронной борьбы с авиацией противника; 4 высотных разведчика МиГ-25 с экипажами. Всего прибыли две бригады советских ВВС и дивизион противовоздушной обороны. Помощь Советов оказывалась исключительно в области обороны и защиты самого сердца нашей страны. Присутствие Советов облегчило задачу обороны, лежащую на наших военно-воздушных силах, и позволило нам сосредоточиться на восстановлении военно-воздушных сил. Советы взяли на себя ответственность за защиту только некоторых внутренних районов, а Египет оборонял остальную территорию, включая 16-ти километровую

полосу к западу от канала и Суэцкого залива.

К апрелю советское вооружение было полностью введено в строй; 18 апреля пребывание русских в Египте перестало быть тайной. Советские летчики первый раз встретили израильских захватчиков в воздухе и вынудили их вернуться на Синайский полуостров, все время переговариваясь между собой по-русски, что было немедленно отмечено израильскими и американскими станциями прослушивания. Налеты израильских ВВС прекратились. Так закончился первый этап. С 1 января 1970 года по 18 апреля ВВС противника совершили 3 300 налетов и сбросили 8 000 тонн боеприпасов на нашу территорию.

Наконец, наши выжившие части противовоздушной обороны смогли провести реорганизацию и восстановить свой потенциал. Первоочередная задача состояла в том, чтобы заявить о себе вдоль этой 16-километровой полосы к западу от канала, которая оставалась в зоне ответственности Египта. Эта задача выходила за рамки национальной гордости. Подготовка к форсированию канала должна была проходить на этой полосе; там будут сосредотачиваться силы для штурма. Вот почему эта полоса земли была так важна. В последние дни июня 1970 года под покровом ночи наши возрожденные подразделения противовоздушной обороны перебросили свои ЗРК на эту полосу. Так начался второй этап.

Результаты не заставили себя ждать. 30 июня 1970 года наши ЗРК сбили два самолета-нарушителя Ф-4 (Фантом). На

протяжении первой недели июля было сбито десять самолетов – участников налетов, семь из которых над нашей территорией. Египетские феллахи немедленно внесли в свой календарь особое название этой недели: «неделя падающих самолетов противника». В сущности, этот успех, ознаменовавший возрождение наших противовоздушных сил, открывал эру использования зенитных ракет. К тому же стало ясно, что победа в конфликте будет за тем, кто использует более совершенные электронные средства слежения, создания помех и противодействия помехам.

На этой хрупкой основе к концу июля 1970 года обе стороны согласились на прекращение огня вдоль линии фронта на Суэце. В тот момент это означало неприменение боевых средств. Могла начаться подготовка к новым наступательным действиям. В ее основе лежало воссоздание наших сухопутных сил.

Глава 2. Планирование

Перестройка началась, как и следовало – сверху. С осени 1968 года Генеральный штаб египетских вооруженных сил начал ежегодно проводить учения. Их целью было провести переподготовку офицеров Генерального штаба и подчиненных ему штабов видов войск – штаба ВВС, противовоздушной обороны, военно-морского флота, штабов полевых армий, сил специального назначения, округа Красного моря и других военных округов и т. д. – в условиях, максимально приближенных к боевым. (Каждое учение длилось неделю; обычно ими руководил министр обороны; иногда на них присутствовал президент). Будучи командующим войсками специального назначения, я принимал в них участие в 1968–69 годах, в 1970 – как командующий округом Красного моря, а в 1971 и 1972 годах – как начальник Генерального штаба. В 1973 году стратегические учения были прекращены. Было объявлено, что они начнутся 1 октября и продлятся, как обычно, семь дней. Это было частью нашего плана введения противника в заблуждение.

В некотором смысле условия проведения учений были далеки от реальных. Понятно, что в 1968 году было невозможно атаковать противника, имеющего превосходство во всех отношениях. Таким образом, во время учений мы намеренно брали за основу то, что у нас гораздо больше людей и тех-

ники, чем было в суровой действительности. Это было разумно. Вследствие этого планы и решения командиров учений имели мало отношения к существующим условиям, но по мере того, как увеличивались наши ресурсы, они становились все ближе к реальности. Другими словами, еще в 1968 году мы начали планировать наступление на 1973 год, но наши планы далеко опережали наши возможности. В последующие четыре года наши возможности постоянно росли, а наши планы становились все более реалистичными. Из года в год сокращался такой огромный в 1968 году разрыв между ними, пока, наконец, в 1973 году, когда учения стали реалистичными, планирование и возможности уже соответствовали одно другому.

Однако в силу обстоятельств недостаток людей и техники в тот ранний период не влиял на процесс планирования. Следует признать, что, когда 16 мая 1971 года я был назначен начальником Генерального штаба, плана наступления у нас не было. Был план оборонительных мероприятий под кодовым названием «Операция 200», и еще один более агрессивной направленности под названием «Гранит». Но хотя план «Гранит» предусматривал рейды на территорию Синайского полуострова, он не дотягивал до настоящего плана наступательных действий. Очевидно, что в мою задачу входило создать такой план.

Короче говоря, я начал свою работу на посту начальника Генерального штаба с углубленного изучения сил и возмож-

ностей нашего противника в сравнении с нашими. Мои выводы были неутешительными. Чтобы понять почему, необходимо, как это сделал я, последовательно рассмотреть состояние наших родов войск.

* * *

ВВС: наш самый слабый вид вооруженных сил. В наступательной операции нам необходимо было требовать от ВВС выполнения четырех задач: (1) обеспечение прикрытия с воздуха наших наземных сил,двигающихся на открытой местности Синайского полуострова; (2) нанесение ударов непосредственной поддержки по целям противника; (3) быстрая и точная разведка позиций соединений противника – особо важная задача в условиях ведения военных действий на открытой местности; и, наконец, (4) уничтожение командных пунктов противника, линий связи, снабжения и доставки подкреплений путем нанесения авиаударов в глубоком тылу противника. Наши военно-воздушные силы могли сделать очень немного из этого.

Они были дважды уничтожены на земле: англичанами и французами в 1956 году и в 1967 году израильянами. При этом погибло не много летчиков, но моральный дух был почти полностью подавлен. Теперь, чтобы снизить риск повторения этого разгрома, мы с огромными затратами бетона и труда наших инженерных войск построили 500 бетонных

укрытий для наших самолетов. На 20 основных аэродромах все службы – командные пункты, помещения для летчиков, госпитали, техническое обслуживание – прятались под землей в бетонных укрытиях. И чтобы еще более ослабить воздействие внезапной атаки, мы окружили большинство наших баз достаточным количеством ЗРК.

Но в воздухе наши летчики могли полагаться только на свои навыки и умение и на то, что они могли выжать из своих машин; и, откровенно говоря, во время многочисленных стычек в воздухе после 1967 года они показали, что не могут соперничать с пилотами противника. Была ли причиной этому недостаточная подготовка летчиков или несовершенство их самолетов? Наши летчики всегда винили самолеты, советские советники винили наших пилотов. Я считал, что причина и в том, и в другом.

Во-первых, у нас было меньше военных летчиков, чем у нашего противника; а те, что были, имели гораздо меньше опыта. У большинства наших летчиков налет составлял менее 1 000 часов, в то время как у противника большинство летчиков налетало более 2 000 часов. Наши пилоты нуждались в интенсивных тренировках; при этом даже относительно новым новичкам приходилось выносить на своих плечах бремя ведения «войны на истощение». К 1970 году усталость летного состава привела к тому, что количество аварий во время тренировочных полетов выросло до угрожающих размеров. Мы снизили интенсивность тренировок. Но это только

означало, что тренировки займут больше времени.

У противника было еще одно преимущество. Он выбирал место и время воздушного боя. Его самолеты проникали в наше воздушное пространство, а наши пилоты взлетали для перехвата. Мы знали, что противник подготовил около 50 экипажей – лучших из лучших – для участия в этих рейдах проникновения на нашу территорию. У них была заранее разработана тактика ведения боя. Наши летчики вылетали по графику дежурств. В отсутствие времени для согласования планов действий, они быстро взлетали и получали инструктаж во время набора высоты. (А наши авиадиспетчеры, как и служащие всех других служб, имели разные уровни квалификации: одни превосходный, другие откровенно слабый). Неудивительно, что иногда наши пилоты подвергались в воздухе неожиданному нападению или даже, что еще хуже, вовлекались в длительную гонку преследования, в результате чего у них не оставалось топлива для возвращения на базу. Часто наши пилоты клялись, что сбили один или более самолетов противника. Но до октября 1973 года почему-то эти самолеты никогда не падали на землю Египта.

Нельзя сказать, что наши пилоты совсем без оснований винили свои машины. Дело было не в нехватке самолетов: в 1971 году у нас было больше самолетов МиГ-21, чем пилотов, которые могли на них летать. Но их небольшая дальность полета и ограничение полезной нагрузки означали, что они могли нести меньше боевых средств и электроники. Са-

молеты противника были более совершенными, более поздние модели несли ракеты «воздух-воздух» и «воздух-земля» и были оснащены гораздо более современными электронными приборами. При всей своей отваге наши летчики сталкивались с невероятными трудностями. Фактически оснащение ВВС противника опережало наше на десять лет.

МиГ-21 в окраске ВВС Египта

Войска противовоздушной обороны: Эффективная противовоздушная оборона должна включать четыре неразрывно связанных элемента: (1) способность с расстояния обнаружить приближение нарушителей воздушного пространства и отслеживать их передвижение; (2) иметь перехватчики, превосходящие противника в дальности действия, скорости и маневренности; (3) сеть ЗРК и (4) электронное оборудование. Самолеты-нарушители несут приборы, подавляющие средства обнаружения обороняющейся стороны и мешающие использованию ее ЗРК и ракет «воздух-воздух».

Противовоздушная оборона должна иметь средства радио-электронной борьбы.

Без любого из этих элементов противовоздушная оборона становится уязвимой. Но создание такой системы требует огромных затрат, как денежных, так и людских. Будучи начальником Генерального штаба, я обнаружил, что половина инженеров в Египте служили в войсках, причем большинство из них работали над нашими средствами противовоздушной обороны и ее электронными приборами, хотя все не обязательно обслуживали это оборудование. После прибытия советских специалистов началось строительство новых стартовых площадок зенитных ракетных комплексов (ЗРК), как часть реорганизации войск противовоздушной обороны, и к 1970 году эта работа уже далеко продвинулась, но была завершена только в 1971 и 1972 годах.

Тем не менее, когда в середине 1971 года я проводил оценку наших возможностей, уровень нашей системы противовоздушной обороны уже был близок к требуемому. Русские обеспечивали функционирование примерно 30 процентов наших самолетов МиГ-21, 20 процентов ЗРК и большую часть электронных устройств. Тем временем мы использовали их помощь (и передышку от налетов, которую гарантировало их присутствие), чтобы восстановить наш корпус ПВО и провести обучение личного состава. И теперь у нас была более совершенная военная техника.

Во время начального этапа «войны на истощение» наши

ЗРК – известные на западе как ЗРК-2 – имели жестко ограниченное действие: на небольшой высоте нарушители воздушного пространства были неуязвимы. ЗРК-3, поставленные Советами в 1970 году позволили расширить наши возможности.

Но я пришел к выводу, что, хотя наша система ПВО становилась более адекватной, она имела в основном оборонительный характер. Это кажется очевидным. Я хочу сказать, что наши ЗРК не были мобильными – они не были установлены на грузовиках или гусеничных машинах. Их громоздкие радарные установки и электронное оборудование становились легкой добычей для авиаударов противника, если он мог засечь их во время перевозки по местности. Они были в безопасности только в подземных укрытиях. Они вполне соответствовали целям позиционной обороны (хотя у нас еще не было достаточного количества зенитных батарей для защиты всех целей), но во время наступательной операции они не могли обеспечить прикрытие от налетов, особенно на открытой местности на Синайском полуострове.

Сухопутные войска: У нас под ружьем стояло 800 000 солдат. И все же вопреки упорной пропаганде, которую Израиль вел в международных средствах массовой информации, у нас не было реального преимущества в войсках первого эшелона. Полевые части составляли менее 50 процентов нашей огромной армии.

Превосходство противника в воздухе было главной при-

чиной такого дисбаланса. Нам надо было предусмотреть, что во время будущего конфликта вновь будет применена тактика «войны на истощение», включая высадку десантов с вертолетов в глубине Египта. Это создавало большие трудности в деле защиты объектов: сотен мостов, переброшенных через Нил и его притоки, сложной и уязвимой системы орошения, от которой зависит наше сельское хозяйство, раскинувшейся по пустыне на сотни километров сети водоснабжения и телефонных линий, нефтепроводов плюс обычных стратегических объектов, таких как железные дороги, шоссе, электростанции, правительственные здания и т. п.

Для обслуживания самых минимальных средств защиты этих объектов и нашей береговой линии Красного моря требовались сотни тысяч людей. (Еще больше людских ресурсов требовалось для увеличения численности нашей армии. Наши военные училища и учебные центры работали сверхурочно. Их надо было укомплектовать дополнительным количеством офицеров и рядовых, причем, квалифицированных). Фактически, то количество сухопутных войск, которое мы могли выделить для операции форсирования канала, могло обеспечить нам лишь равенство сил с противником. У нас было небольшое преимущество в артиллерии, но противник будет находиться в укрытиях под слоями земли и бетона в недосыгаемости наших снарядов. Кроме того, сам Суэцкий канал и те укрепления, которые израильтяне возвели на его берегах, по мнению большинства экспертов, представ-

ляли собой непреодолимое препятствие.

Продвинувшись в пустыню на другой стороне канала, наши войска столкнутся еще с одной угрозой. Большая часть личного состава будет передвигаться на легкобронированных грузовиках, а не на бронемашинах, большинство из которых не имеет нужной проходимости. Конфликты 1956 и 1967 годов показали, что при действиях в пустыне против противника, обладающего превосходством в воздухе, это создает огромную угрозу. Грузовики вынуждены передвигаться по шоссе или по грунтовым дорогам. Если хоть один из них подбит, выведенная из строя машина не только блокирует движение – позади нее на много километров образуется затор, что создаст достаточно серьезную проблему, даже не говоря о неизбежных авиаударах противника.

Военно-морские силы: Наши военно-морские силы превосходили флот противника. Но наша слабость в воздухе сводила это преимущество на нет.

Наши ВМС меньше всего пострадали во время войны 1967 года, и моральный дух и репутация личного состава сильно возросли, когда, всего через четыре месяца, удалось потопить израильский эсминец «Эйлат», который патрулировал в водах к востоку от Порт-Саида, время от времени приближаясь к порту на расстояние до шести с половиной миль. Наконец, Генеральный штаб отдал приказ соединению наших ракетных катеров КОМАР, построенных в СССР, потопить «Эйлат», когда в очередной раз он нарушит границу

нашей 12-мильной зоны. Тогда впервые в истории в боевых условиях была выпущена ракета класса «корабль-корабль». Затем еще одна. «Эйлат» быстро затонул.

Этот случай изучали во всех военно-морских флотах мира, и больше всего в Израиле. Противник пришел к выводу, что впредь его главную ударную силу на море будут составлять быстроходные катера, вооруженные ракетами «корабль-корабль» и торпедами. Он закупил во Франции 12 ракетных катеров класса СААР и на верфях Хайфы начал строить по два в год собственные ракетные катера класса РЕШЕФ. (Первый был спущен на воду 19 февраля 1973 года). Одновременно они разработали еще более легкий катер ДАБУР. И РЕШЕФ, и СААР были вооружены ракетами класса «корабль-корабль», которые производились в Израиле под названием «ГАБРИЭЛЬ». Катера класса РЕШЕФ, водоизмещением 415 тонн, несли семь ракет «ГАБРИЭЛЬ», имели дальность хода 1 500 миль и предельную скорость 32 узла. Экипаж состоял из 45 человек. Напротив, ДАБУР имел водоизмещение всего в 35 тонн и команду из 6 человек. Они могли нести торпедные аппараты или пулеметы, а на тягачах их можно было перебросить из Средиземного моря в Красное. (Мы знали, что к началу «октябрьской войны» противник построил 20 катеров ДАБУР).

Несмотря на такую смену приоритетов, израильтяне понимали, что их ВМС не могут противостоять нашим без поддержки с воздуха. Во время «войны на истощение» их ответ,

что вполне логично, заключался в нанесении авиаударов по нашему флоту. Самолеты противника курсировали над Суэцким заливом, бомбя наши транспортные суда, в то время как наши боевые корабли, гораздо более тяжелые, не могли отвечать, не навлекая на себя сокрушительные авиаудары. Наш флот был уязвим даже в портах. Наши ограниченные средства ПВО были приданы войскам на Суэцком фронте и защищали крупные города и заводы. Причалы же на Красном море были открыты для ударов противника.

Не удивительно, что наши ВМС, намного превосходящие военно-морские силы противника, были почти полностью нейтрализованы. Не удивляет и то, что после 1967 года Генеральный штаб отказался от мысли развивать и модернизировать наш флот до тех пор, пока мы не сможем обеспечить ему прикрытие от ударов с воздуха.

* * *

С такими невеселыми мыслями я пришел к своему первому выводу на посту Начальника Генерального штаба. Мы были не в состоянии провести крупномасштабное наступление, чтобы уничтожить силы противника на Синае или заставить его уйти с Синае и из сектора Газы. Наши возможности позволяли нам провести лишь ограниченную операцию. Мы могли ставить цель форсировать канал, уничтожить линию Бар-Лева и затем занять оборонительную позицию. Для про-

ведения любых дальнейших наступательных действий нам требовалась более совершенная военная техника, более высокий уровень подготовки личного состава и более длительные подготовительные работы.

К такому выводу меня подвели четыре фактора. Первым была слабость наших ВВС – слабость настолько принципиальная, что в процессе планирования я старался исключить возможность прямого столкновения в воздухе нашей авиации с авиацией противника. С самого начала я следовал двум принципам. Во-первых, избегать случайных столкновений в воздухе. Во-вторых, использовать наши военно-воздушные силы для нанесения внезапных авиаударов в тех местах, где у противника, скорее всего, отсутствует воздушное прикрытие. Прежде всего, я хотел, чтобы сухопутные войска и цели противника на себе испытали психологическое воздействие от ударов наших ВВС, и в то же самое время уберечь наших от ведения воздушного боя. Я был убежден, что если мы не будем осторожно и расчетливо применять авиацию, мы просто потеряем ее в третий раз, на этот раз в воздухе.

Второй фактор, который привел меня к тому выводу, что возможна лишь ограниченная операция, заключался в ограниченности наступательных характеристик наших ЗРК. На последних этапах «войны на истощение» наши стационарные ЗРК действовали эффективно. Израильские летчики из всех сил старались избегать их. Когда их самолеты входили в зону действия ЗРК, их уничтожали. Я был убежден,

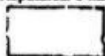
что даже чтобы отразить нашу атаку, пилоты противника будут стараться не попадать в зону действия наших ЗРК, а если это случится, они за это расплатятся. Мы только должны помнить, что наши ЗРК не мобильны.

Горькие уроки 1956 и 1967 годов состояли в том, что без эффективной защиты от авиаударов сухопутные части могут быть разгромлены. Уроки «войны на истощение», напротив, показали, насколько неэффективны авианалеты на хорошо укрепленные траншейные позиции. С точки зрения логики, любое наступление наших войск к востоку от канала нужно было в поддержке средств ПВО, вооруженных ЗРК. Я полагал, что при достаточной подготовке мы сможем форсировать канал и продвинуться вперед на 10–12 км, оставаясь под прикрытием наших ЗРК, которые нужно будет развернуть на западном берегу на быстро подготовленных во время боя площадках. Но на этом рубеже нам придется остановиться, окопаться и реорганизовать нашу ПВО. Послать войска дальше этого рубежа без мобильных ЗРК, обеспечивающих им надежное прикрытие, было бы катастрофой.

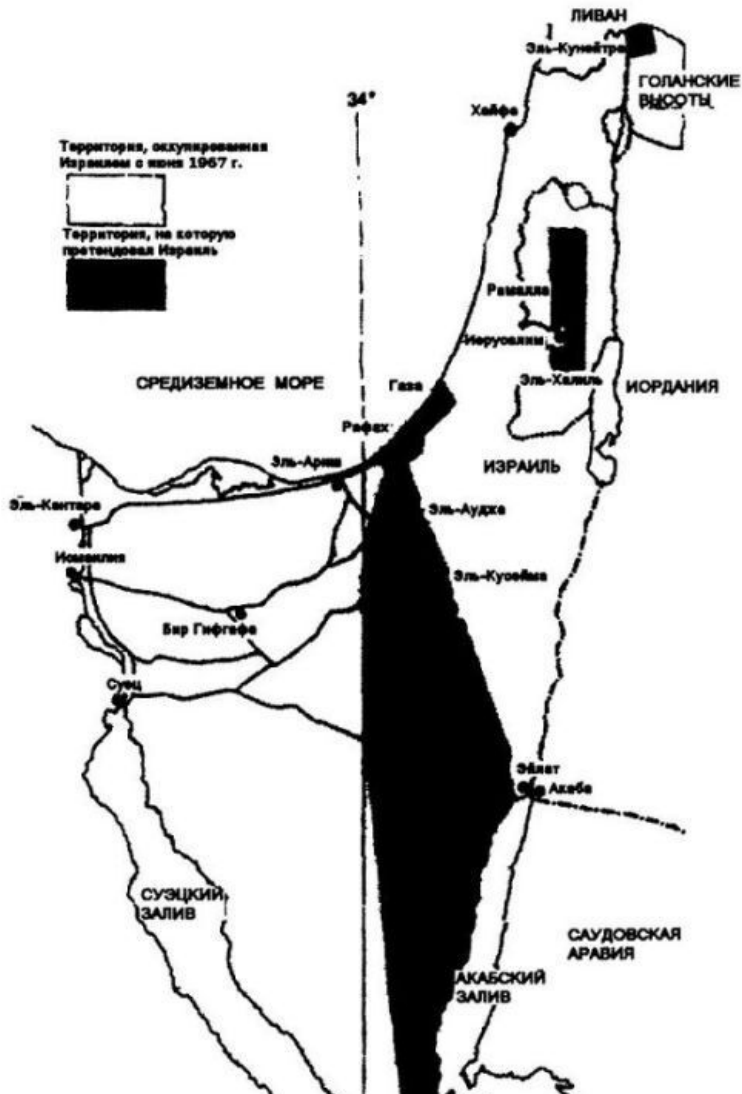
Третьим фактором моих размышлений была необходимость вынудить противника вести бой в неблагоприятных для него условиях. В Израиле с населением три миллиона, во время войны проводится мобилизация одной пятой его населения. Израиль не может долго находиться в таком состоянии без ущерба для его экономики и сферы обслуживания. Соответственно у израильтян два приоритета: первый – из-

бегать людских потерь. Их не волнует утрата военной техники, какой бы современной и дорогой она ни была; их союзники поспешат поставить им еще. Их второй приоритет состоит в проведении молниеносной кампании: затянувшийся на месяцы конфликт для них анафема. Следовательно, если мы форсируем канал и займем укрепленные позиции в 10–12 км к востоку от его берега, мы сможем вынудить их принять самый неудобный вариант. Противнику придется штурмовать наши позиции, давая нам возможность причинять ему с воздуха и на земле большие потери живой силы. Мы сможем продлевать конфликт по своему желанию с минимальными потерями для себя.

Территория, оккупированная
Израилем с июня 1967 г.

Территория, на которую
претендовала Израиль

План Израиля по аннексии арабских территорий, 1971 г.

Четвертый и последний фактор был самым простым. Я участвовал в пяти войнах и был убежден, что никакие учения в мирное время, как бы они ни были приближены к реальным условиям, не оказывают на войска психологического воздействия боевых действий. Оно включает то сочетание страха и отваги, осторожности и безрассудной храбрости, которое движет солдатами на поле боя. Чтобы подготовить наших офицеров и рядовых к большой войне, нам была нужна маленькая война, то есть ограниченная операция, которая могла бы дать боевой опыт, отсутствующий у большинства наших солдат. Кроме того, существовали хорошие шансы на успех такой операции, а он сыграл бы большую роль в восстановлении морального духа вооруженных сил, в течение 25 лет трижды потерпевших поражение. Мне казалось, что по одной этой причине проведение нашей первой операции будет шагом обдуманного риска, а не безнадежной авантюрой.

Операция 41 и Высокие минареты

К началу июля 1971 года, менее чем через два месяца после моего назначения начальником Генерального штаба, я уже смог представить свои планы проведения ограниченной операции министру обороны и Главнокомандующему воору-

женными силами Ахмеду Садеку. Он категорически их отверг.

Он сказал, что эта операция не имеет смысла ни с политической, ни с военной точек зрения. В политическом плане она ничего не даст, поскольку Синайский полуостров останется под оккупацией противника. В военном плане она создаст больше проблем для нас, чем для Израиля. Наши нынешние оборонительные позиции защищены каналом, который является непреодолимым препятствием для проведения противником наземной атаки или десантных операций.

Если мы перенесем наши позиции за канал, мы не только лишимся возможности использовать его как преграду, но будем вынуждены прокладывать уязвимые линии коммуникаций по нашим мостам через канал. Садек был уверен, что когда придет время наступать, наше наступление должно быть мощным и неограниченным: стремительное полное освобождение Синая и сектора Газа с уничтожением сил противника.

Я сказал, что согласился бы с его планом, если бы это было возможно. Но как нам это сделать? У нас не было средств, и я не видел возможности получить их в ближайшем будущем. Садек сказал, что, если Советский Союз поставит нам все, что нужно, мы сможем начать наступление до конца года, а может быть и раньше. Я его оптимизма не разделял. Но, когда я еще раз привел результаты анализа, которые побудили меня предложить план более ограниченных действий, Са-

дек от них отмахнулся. Он попросил меня разработать план освобождения всех наших оккупированных территорий.

Согласиться с ним я не мог. Это было невозможно из-за ограниченности наших ресурсов. А нам потребовалось бы огромное количество техники. Большая ее часть еще находилась в процессе разработки, и Советский Союз не был готов ее нам предоставить. Даже если бы русские поставили нам технику, нам потребовалось бы несколько лет, чтобы ее освоить, особенно в ВВС и войсках ПВО.

После долгих споров Садек пошел на компромисс. На самом деле в глубокой тайне он пошел на два компромисса. Явный компромисс состоял в том, что он согласился с планом наступления, ограниченного захватом основных перевалов Синай в 30–40 км к востоку от Суэцкого канала. Мы назвали этот план «Операция 41». На самом деле единственным достоинством этого плана было то, что его осуществление требовало меньшего количества техники, чем полномасштабное наступление через Синай, так что список поставок, представленный Советам, был менее шокирующим. В этом была суть дела. Подготовка и разработка «Операции 41» должна была проходить при полном участии наших советских советников, чтобы они могли составлять свое мнение о наших потребностях в оружии и технике. Можно сказать, что после стратегических учений мы проводили учения педагогические.

Между тем настоящий компромисс между Садеком и

мною заключался в том, что одновременно с планированием «Операции 41» в глубокой тайне от советских советников будет вестись разработка второй операции, «Высокие минареты». В ее основе будут лежать фактические возможности наших вооруженных сил, а не некая воображаемая мощь неизвестного вооружения. В этой операции я ставил задачу ограниченного продвижения на 8–10 км на восток. К сентябрю 1971 года, хотя никто, кроме маленькой группы наших офицеров планирования, не слышал даже названия этой операции, был готов проект плана «Высокие минареты». Это был первый реальный план наступления армии Египта.

К сентябрю 1971 года план «Операции 41» тоже был готов вместе с длинным списком необходимых вооружений и техники. То, что он разрабатывался вместе с советскими советниками, не исключило длительных споров с использованием привычных аргументов: Советы обвиняли нас в преувеличении потребностей, египтяне обвиняли Москву в задержках поставок наступательных вооружений по сравнению с оборонительными. Даже когда президент Садат и генерал Садек в октябре 1971 года посетили Москву и подписали самое крупное соглашение о поставках оружия с Советским Союзом, оно не покрывало все потребности «Операции 41». Даже с поставками самолетов 100 МиГ-21 ФМ и бригады мобильных ЗРК-6, наши силы ПВО все равно оставались бы слишком слабыми, чтобы отражать авиаудары противника при передвижении наших войск на восток за пределами зо-

ны действия наших стационарных ЗРК.

Но к тому времени у меня стало вызывать тревогу поведение президента Садата. Не говоря о нехватке техники, другим сдерживающим фактором было то, что даже при немедленной ее поставке нам потребуется шесть месяцев, чтобы ввести ее в строй, то есть не раньше апреля 1972 года. Начать использовать новые системы вооружения не так просто, как взять нож и вилку и начать есть. Но в своих речах президент Садат продолжал бить в барабаны войны, называя 1971 год «годом принятия решения». После возвращения из Москвы он объявил себя Главнокомандующим Вооруженных сил, чтобы, как он сказал, продемонстрировать решимость начать войну до конца года. Египетские средства массовой информации в своих эйфорических рассуждениях не называли только день и час нашего предполагаемого наступления.

Обеспокоенный всем этим, я обратился к генералу Садеку. «Президент ставит нас в очень трудное положение, – сказал я. – Если мы действительно собираемся начать войну в этом году, он лишает нас любой возможности захватить противника врасплох. Если нет, мы даем Израилю предлог нанести нам удар, или, по меньшей мере, получить еще больше оружия из США». Садек полностью согласился. Он сказал, что говорил на эту тему с президентом. «Я думаю, что президент занимается политическим блефом», – сказал он.

Мне такой блеф не слишком нравился. Для того чтобы

нам самим не оказаться захваченными врасплох, когда из политических соображений мы будем вынуждены начать наступление, я начал подготовку к осуществлению операции «Высокие минареты». Но «год принятия решений» ушел в прошлое, и в течение 1972 года мы упорно работали над нашими двумя планами. План «Операция 41» получил название «Гранит 2», но за исключением мелких деталей его задачи, количество войск, направления ударов и т. д. остались без изменений. Столь же незначительные поправки были внесены в план «Высокие минареты».

К началу второго полугодия 1972 года мое мнение о наших возможностях не изменилось по сравнению с 1971 годом. С учетом наших наличных ресурсов «Высокие минареты» был единственным реальным планом. «Гранит 2» остался планом на бумаге, который невозможно было осуществить при наших ресурсах. Конечно, «Гранит 2» был в некотором смысле привлекательным. Захват перевалов был бы впечатляющей победой. Но три причины, по которым это было невозможно, остались без изменений: ограниченные возможности наших ВВС вести разведку, обеспечивать прикрытие войск с воздуха и поддержку действий на земле, нехватка передвижных ЗРК для компенсации этих недостатков и уязвимость транспортных средств сухопутных войск. Продвинуться на 70 км в пустыню, не решив этих проблем, опять было бы равнозначно самоубийству.

План Бадр обретает очертания

В конце октября 1972 года вместо генерала Садека министром обороны был назначен генерал Ахмед Исмаил Али. Я знал мнение Исмаила Али о войне из доклада, который он подготовил в начале года на своем тогдашнем посту начальника Национальной службы разведки. В докладе, подготовленном для президента и распространенном среди самых высокопоставленных лиц, содержалась политическая и стратегическая оценка положения на Ближнем Востоке. Вывод Исмаила был тот, что Египет к войне не готов. Он предупреждал, что любое наступление, предпринятое Египтом в существующих условиях, может привести к катастрофе. Поэтому когда я встретился с новым Министром обороны, чтобы ознакомить его с нашими планами и их исходными данными, я напомнил ему о том, что он писал в докладе.

«Никаких важных изменений в вооруженных силах со времени представления вашего доклада не произошло, — сказал я, — особенно в ВВС и в системе мобильных средств ПВО». Но я добавил: «Даже при всем этом я считаю, что мы можем провести наступательную операцию с ограниченными задачами». Когда я показал ему два плана, «Гранит 2» и «Высокие минареты» и представил свой анализ обоих, Исмаил со мной согласился. При существующих ресурсах план «Гранит 2» реализовать нельзя. Нам надо продолжать ра-

ботать над планом «Высокие минареты». Было решено, что операция может начаться через шесть месяцев, весной 1973 года.

На этом этапе для внесения окончательных правок в план с ним надо было ознакомить более широкий круг офицеров. Я заметил, что во время этих обсуждений чаще всего звучал вопрос: «Когда мы можем ожидать контратаки противника, и какими силами?». Этот вопрос был ключевым вопросом планирования. Характер и время контратак противника будут зависеть от двух факторов: сколько времени ему надо для подготовки, и какого рода цель мы будем для него представлять.

Во время наших стратегических учений, начиная с 1968 года, когда действовал первоначальный нереальный план «Гранит», мы исходили из того, что в течение 15–30 минут после форсирования канала можно ожидать контратаки противника силами подразделений от танкового взвода до усиленного танкового батальона. Эти контратаки могут быть организованы войсками противника на линии Бар-Лева и их передовыми бронетанковыми частями, расположенными не более чем в 8 км позади нее. В течение двух часов, вероятно, могут вступить в действие остальные подразделения трех бронетанковых бригад противника, приданных линии Бар-Лева. Однако наши штурмовые силы будут достаточно мощными, чтобы противостоять им. Но главным силам противника, выделенным для обороны Синая, включающим еще

четыре бронетанковые бригады и четыре в основном механизированные пехотные бригады, потребуется время для переброски через Синай из мест базирования на востоке. Главный вопрос был сколько времени? План Гранит предполагал, что пройдет от 36 до 48 часов до начала массированной контратаки этих сил. Но так ли это?

Это будет зависеть от того, за сколько противник будет знать об операции, и наши оценки этого времени постоянно росли. Сначала наше оперативное управление считало, что наш план введения в заблуждение позволит скрывать подготовку операции достаточно долго, чтобы не предупредить противника задолго до ее начала. Но, говорили они, Израиль, безусловно, будет знать об операции за три дня до ее начала. По мнению Управления, в этих условиях Израиль сможет организовать массированную контратаку в течение 24 часов после начала нашего наступления. Еще более мрачные прогнозы поступили от нашего Управления военной разведки Генштаба. Они считали, что противник разгадает наши намерения за 15 дней до начала штурма и будет иметь достаточно времени для мобилизации сил и развертывании не менее 18 бригад на Синае еще до начала нашего наступления. При таком пагубном для нас ходе событий контратака главными силами могла начаться через 6–8 часов после начала штурма. Говоря без обиняков, начальник Управления разведки прикрывал свой тыл. При неудаче ему отвечать не придется. И все-таки расчеты Управления разведки пред-

ставляли собой так называемый «риск падения». С ними надо было считаться.

В том виде, как он был, наш план предусматривал, что первые пехотные группы, переправившиеся через водную преграду на резиновых надувных лодках, будут вооружены лишь переносным оружием. Паромы начнут переправлять войска только через пять часов после начала операции, а мосты будут наведены через 7–9 часов. Зная их пропускную способность, мы можем рассчитать, сколько времени потребуется какому-то количеству наших танков и другой тяжелой техники, чтобы подойти к передовым линиям наших пехотных подразделений. Вывод был тот, что части на плацдарме в лучшем случае могут ожидать поддержки танков не ранее, чем через 10 часов после начала операции, а может быть и через 12. По расчетам Управления военной разведки нам предстояло продержаться 4–6 критических часов. Каким-то образом надо было закрыть этот разрыв во времени. Нам это удалось.

Первое: мы увеличили количество переносных противотанковых управляемых реактивных снарядов (ПТУРС), выделенных головным отрядам пехоты. Мы полностью использовали наши стратегические запасы и взяли остальное оружие в частях и подразделениях, которые непосредственно не участвовали в первом этапе форсирования канала, чтобы усилить головные отряды пехоты. Мы пошли на риск. Но это был единственный способ обеспечить головным пе-

хотным частям возможность отражения атак бронетехники. (Мы также предполагали, что эти дополнительные ПТУРСы будут возвращены в те подразделения и части, откуда их взяли, как только наши танки переправятся через канал).

Второе: Мы решили увеличить масштаб действий в тылу противника, чтобы отсрочить подход контратакующих сил до последней минуты.

Третье: Мы сократили дальность планового наступления пехотных штурмовых отрядов. Теперь в их задачу входило закрепиться в траншеях в 5 км к востоку от канала, причем оба фланга должны быть надежно прижаты к его берегу. На этих позициях они должны ожидать подхода тяжелых вооружений до начала дальнейшего продвижения вперед. Уменьшая площадь каждого плацдарма и, сокращая его периметр, мы были бы способны сконцентрировать наш оборонительный огонь, повысить плотность огня ПТУРС на каждом километре фронта и повысить наши шансы отражения контратак. Части на таких новых, более компактных плацдармах также могли рассчитывать на поддержку артиллерии и противотанкового огня с нашего западного берега канала. К тому же наша пехота находилась бы в пределах радиуса действия наших ЗРК. (Суть в том, что наши ЗРК оставались бы на западном берегу вне досягаемости артиллерии противника до тех пор, пока она не была бы уничтожена или вынуждена отойти). Вначале, пока ЗРК не смогут быть переброшены вперед, дальность прикрытия наших войск огнем ЗРК на

восточном берегу канала будет жестко ограничена.

* * *

Никогда, даже при пересмотре наших планов, мы ни разу не ставили под сомнение необходимость форсирования канала по возможно более широкому фронту. Это лежало в основе наших планов даже в 1968 году.

Прежде всего, штурм на небольшом фронте с большой концентрацией сил дал бы противнику идеальную возможность наносить авиаудары по нашим войскам, сгруппированным перед форсированием канала и во время самой переправы. Во-вторых, в настоящее время наши пехотные части занимали оборонительные позиции на западном берегу, причем каждая часть отвечала за конкретный отрезок водной преграды. Организация переправы каждой части в своем секторе упростила бы задачу. Наши ударные части до последней минуты могли оставаться на своих оборонительных позициях. Оборонительные сооружения в каждом секторе – траншеи, укрытия, окопы и т. п. – могли быть сборными пунктами для штурма. (Строительство новых укреплений могло встревожить противника). Мы могли бы свести к минимуму передвижение ударных сил, тем самым снижая риск навлечь на себя предупредительный удар. В-третьих, если бы противник затем решил контратаковать по всему фронту, его силы были бы рассредоточены. У наших танков,

противотанковых орудий и ПТУРСов появилось бы больше возможностей отразить атаку. Наши ЗРК работали эффективней при небольшой плотности авиации. В этих условиях у противника было бы меньше шансов уничтожить хотя бы один плацдарм. И, в-четвертых, если бы с другой стороны противник решил сосредоточить свои усилия в каком-то отдельном секторе, он мог бы уничтожить группировки одного или двух плацдармов, но мы могли бы восстановить наши силы там за счет оставшихся трех группировок.

Изменения, внесенные в план для учета мрачных прогнозов Управления разведки относительно времени нанесения контрударов, были последними существенными изменениями нашего плана. И когда мы начали действовать, у нас был следующий план наступления:

Первое. Пять пехотных дивизий, каждая из которых усилена бронетанковой бригадой, плюс дополнительными подразделениями ПТУРСов и переносных ЗРК, взятых из других частей, штурмуют Суэцкий канал в пяти секторах шесть километров шириной каждый.

Второе. Задача: по частям уничтожить укрепления линии Бар-Лева и отбить контратаки противника.

Третье. Через 18–24 часа после начала операции тремя дивизиями с плацдармов проникнуть на глубину около восьми километров, так чтобы каждый плацдарм был примерно 10 км в ширину.

Четвертое. Через 48 часов после начала операции дивизии

должны перекрыть расстояния между пятью плацдармами, образуя два плацдарма, каждый силами в армию. Через 72 часа от начала операции эти две армии должны соединиться в одну ударную группировку, продвигаясь на глубину от 9 до 15 км к востоку от канала.

Пятое. Войска окапываются и занимают оборону на этих новых позициях.

Шестое. В широком масштабе используются воздушные и морские десанты для нейтрализации штабов противника и отсрочки приближения его резервных сил.

* * *

Наступал апрель 1973 года, когда генерал Исмаил Али сказал мне, что все-таки хочет, чтобы я занялся разработкой нашего плана наступления на перевалы – фактически возродить «Гранит 2». Вновь, во время еще более долгих обсуждений я перечислял все препятствия. Исмаил не мог не согласиться со мной. Наконец он признался, что это было политическое указание. Президент Садат поддерживал связь с сирийским правительством. Ясно, что, если сирийцы поймут, что наш план ограничивается захватом позиций на расстоянии не более 16 км к востоку от канала, они не вступят в войну вместе с нами. Я отвечал, что с военной точки зрения на этот раз я бы предпочел начать войну в одиночку. Наш успех подтолкнет сирийцев к тому, чтобы присоединиться

к нам на более позднем этапе. Исмаил эти соображения отверг. Уже было решено, что союз с Сирией является политической необходимостью. Я вновь подтвердил невозможность осуществления плана «Гранит 2» с военной точки зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.